

КУЛЬТУРНО-ЦЕННОСТНЫЙ СМЫСЛ КАТЕГОРИИ «ЧЕЛОВЕЙНИК» В ФИЛОСОФИИ ЖИЗНИ А. А. ЗИНОВЬЕВА

Осмысление ведущей категории той или иной философской концепции исключительно актуально. С одной стороны, оно позволяет определить адекватность историко-философского восприятия данной концепции, а значит, точность оценки предметной направленности и характера рефлексивности изучаемого философского дискурса. С другой стороны, возникновение в выдающихся философских системах авторски-оригинальных, уникальных, неощепринятых, но при этом приобретающих общезначимый характер, философских категорий, есть важное проявление «взлетов», «всплесков» в философском самосознании культуры и истории, которое на определенных этапах своего развития не укладывается в «спокойное русло» устоявших философских универсалий, требуя новизны и даже экстравагантности для «обострения» прочувствованной философом проблемы. Философия знает множество подобного рода примеров.

Это — странная (на первый взгляд) в вербально-смысловом плане сократовская категория «даймоний», означающая настойчивый призыв философа к переориентации античной философии на антропологический путь самопознания. Это — кантовская «вещь-в-себе», представляющая (наряду со многим прочим) категориальное выражение принципиального как для самого философа, так и в целом для всей эпохи Нового времени жизненного кредо «Имей смелость поступать самостоятельно». Это — и ницшеанский «сверхчеловек» — категориальная констатация — протест против духовно-нравственного измельчания «обмещанившегося», «обуржуазившегося», «усреднившегося» вконец человека эпохи «Заката Европы», человека, ставшего позднее либо «палочкой», либо «крючком» в категориальной «прописи» «массового человека» Ортеги-и-Гассета. В обозначенном выше контексте философских понятийных неологизмов и инноваций следует рассматривать и главную для философии А. А. Зиновьева категорию «человејник».

Признавая, что глубина открытия в широком смысле слова определяется глубиной обусловивших ее предпосылок, обратимся, прежде всего, к историко-культурным источникам центрального

теоретического нововведения Зиновьева. Сопоставление сообщества людей с муравейником возникло еще в глубокой древности, для которой как в ее восточной, так и европейской традициях, было свойственно в целом позитивное восприятие данной параллели. Так, для древнекитайской философско-политической традиции, исходившей из представления о государстве, обществе и мире в целом как о едином органическом теле, идеалом их функционирования была «жизнь по образцу муравейника или пчелиного улья», управляемого мудрым правителем, которому «в этом социальном организме отводилась роль головы». Мудрость правителя проявлялась в умении обеспечить максимальную «проницаемость, проходимость» (тун) в мире — как в природе, так и в обществе», то есть в умении создать «идеальное общество», функционирующее «совершенно естественно» [5; 142, 108].

Интересен в данной связи древнегреческий миф об Эаке, в котором муравейник и «трудолюбивые муравьи» принимаются не только за образец «желанного социального развития», а за факт «должного социального поведения» в силу утверждаемого тотемистического родства муравьев и людей. Так, согласно мифу, Эак, правитель острова Эгина, лучшим первопредком для своих подданных считает муравьев, которые «хлопотали» и «строили свой муравьиный город». Просьба Эака к его божественному отцу Зевсу дать сыну «столько трудолюбивых граждан, сколько муравьев в этом муравейнике», оказалось услышанной, и, Эгина, по преданию, была «заселена» людьми — муравьями, «мирмидонянами» [4; 84-85].

Разрушение традиционного общества, вытеснение коллективного мирозерцания личностным самосознанием в последующие исторические эпохи определило иной подход к восприятию «человеко — муравейниковой» парадигмы, которая приобрела резко отрицательные контексты своего использования. Приведем наиболее существенные из них. Однозначно негативные смыслы относит к данному понятию Ф. М. Достоевский, который использовал его в рассуждениях Великого Инквизитора об искушении дьяволом Христа властью: «Приняв этот третий совет могучего духа, ты восполнил бы все, чего ищет человек на земле, то есть: перед кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный муравейник, ибо потребность всемирного соединения есть третье и последнее мучение людей» [2; 303].

С глубоким негодованием и даже ужасом воспринимает перспективу перерождения современного массового общества в человеческий муравейник Х. Ортега-и-Гассет, сравнивая его с перепол-

ненной тюремной камерой, в которой «никто не может шевельнуть рукой по своему желанию. В такой обстановке любое движение должно совершаться сообща, и даже дыхание подчиняется общему ритму. Такой была бы Европа, превращенная в муравейник» [6; 201-202]. Впрочем, испанский философ не верит в реальность подобной перспективы, упоая на «прививку» индивидуализма: «Человеческий муравейник невозможен, потому что существовал так называемый индивидуализм, который обогатил всех и каждого и это богатство дало сказочный рост человеческой поросли» [6; 202].

Как следует из приведенных рассуждений, обе обозначенные точки зрения приблизительно одинаково понимают термин «человеческий муравейник» («человекий») как слово, обозначающее сверхорганизованный, сверхуправляемый социум. Однако они по-разному квалифицируют это понятие в нравственно-этическом, мировоззренческом плане. В первом случае органически-телесная управляемая социальность рассматривается как благо, во втором — как зло, как социально-организационное отрицание человека и человеческого.

Чем обусловлено возрождение Зиновьевым, казалось бы, давно и неоднократно отработанной социальной метафоры, исчерпавшей в силу ее сокрушительной критики свою философскую продуктивность?

Отвечая на поставленный вопрос, обратимся к логике рассуждений Зиновьева, а она лежит не в плоскости терминологического комментария, а развивается в соответствии с представлением ученого о логическом начале социально-философского исследования отношения человека и общества.

Актуальным в данном контексте является учение философа об «атомарном объекте... для данной сферы исследования». Таковым, согласно философу, «является... объект, который не расчленяется на другие (частичные) объекты, а все прочие объекты этой сферы рассматриваются как объединения атомарных» [3; 57]. Ставя вопрос об атомарном объекте, Зиновьев начинает свой анализ социума с выделения на обозначенном смысловом поле исходной, наиболее очевидной точки познания общества, «стягивающей» при этом в себе все основные варианты социального дискурса. Неудивительно, что в «сфере социальных исследований атомарным объектом», по Зиновьеву, является «отдельно взятый человек, причем взятый исключительно как член объединений людей, т. е. как существо социальное» [3; 57].

Следуя логике своих размышлений, Зиновьев выделяет в «социальном атоме» структурообразующий его «социальный спин»,

«социальную ось» — «тело — мозг» — представляющую собой биосоциальную, рационально-эгоистическую сущность человека. Анализируя имманентное естественно-инстинктивное и при этом рационализированное до эгоизма жизнелюбие человека, Зиновьев, как мы считаем, не стремится ни возвысить его, спрятав, как это принято, за «спину» деятельностной парадигмы, ни принизить, сведя его к экзистенциально-эгоистическим законам социального бытия. Главной для философа целью, своего рода сверхзадачей всей его философской рефлексии, является переосмысление жизнебытийственной парадигмы, или, как мы считаем, новое утверждение философии жизни реального человека. И в самом деле (давайте убедимся в этом), логика Зиновьева соответствует некоему изначальному, глубинному, народному, реалистическому взгляду на человека.

Человек — это «чело-век». Чело — лоб, символ ума, сознания. Век — символ его жизни. Соответственно, человек — это разум, сознание, обладающее физической жизнью, телесностью, или, в терминологии Зиновьева, социобиологическая, рационально-эгоистическая сущность. Отсюда, по определению, первостепенная цель человека как биологического существа и смысл его бытия как существа социального, разумного состоит в том, чтобы жить.

«Всякий живот боится смерти. Живой смерти не ищет. Живой живое и думает», — читаем мы в «Собрании пословиц русского народа» В. И. Даля [1; 179], следуя мудрому и исключительно оправданному в данном случае принципу Зиновьева рассматривать «научный подход к социальным объектам в каком-то смысле как развитие на профессиональном уровне того явления в интеллектуальной деятельности людей, которое часто называют здравым смыслом, народной мудростью» [3; 41].

Настаивая на незыблемости аксиомы, утверждающей мысль о том, что первое и главное условие бытия человека в мире — жизнь, Зиновьев и выводит из него понятие «человеиник» как категорию для определения исторически, территориально, хозяйственно и духовно стабильного объединения людей, призванного обеспечить им, во-первых, возможность самой жизни (коммунальный аспект), а во-вторых, и в-третьих, предпосылки для того, чтобы жить лучше («деловой аспект») и быть лучше («менталитетный аспект»).

Иными словами, вводя понятие «человеиник», философ предельно ясно ставит, казалось бы, очевидную всем, но, тем не менее, опускаемую часто именно в силу ее очевидности первостепенную проблему человеческого бытия — проблему самой жизни челове-

ка, вытесняемую в классической философской традиции проблемой деятельностного содержания бытия человека. В контексте социальной логики Зиновьева социум — «человейник» есть не только условие жизнедеятельности людей, а, прежде всего, единое человеческое целое как условие жизни, а значит, жизнедеятельности людей и отдельного человека.

В контексте анализа актуальных проблем современного социума «человейниковый» подход к нему означает выяснение вопроса соответствия существующих социальных структур и идущих внутри них деятельностных процессов наиболее фундаментальному основанию бытия человека — его праву и возможности жить. Данная проблема осмысливается Зиновьевым, прежде всего, в плане определения современных контекстов самого понятия «жизнь», неотделимых от сверхрациональной практики человека XX — XXI в. в., ставящей под вопрос как его собственное бытие в качестве целостного единства, так и существование всего человеческого рода.

Итак, культурно-ценностный смысл ведущей для философии Зиновьева категории «человейник» определяется, как мы считаем, мировоззренческим и нравственно-этическим контекстом всей его концепции, содержание которой может быть понято как философская тревога о человеке, о его реальной жизни в реальном мире, о сохранении целостности его бытия.

1. Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1999.
2. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Собр. Соч.: В 12 т., Т11. М., 1982.
3. Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. М., 2000.
4. Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции. Симферополь: Реноме, 1998.
5. Малявин В. В. Китайская цивилизация. М., 2000.
6. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2001.

В. В. Ким, С. З. Гончаров
Екатеринбург

КУЛЬТУРА — ТВОРЕНИЕ ВСЕОБЩЕГО ТРУДА

Понятие всеобщего труда ввел Карл Маркс. Этот труд является высшим по степени сложности. Существуют различные толкования этого понятия. Одни авторы связывают всеобщий труд с трудом общественным и конкретным в отличие от труда частного и абстрактного (В. М. Межуев), другие — с самостоятельностью